

На правах рукописи

УСТИНОВСКАЯ

Алена Александровна

**Переводы англоязычной поэзии, выполненные В.Я. Брюсовым, К.Д.
Бальмонтом и Н.С. Гумилевым,
в контексте символистского и акмеистского мировидения**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

**Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре общегуманитарных, социальных, естественнонаучных и экономических дисциплин образовательного частного учреждения высшего образования «Международный гуманитарно-лингвистический институт»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент Раскина Елена Юрьевна.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук (10.01.01.) доцент **Круглова Татьяна Сергеевна**, профессор кафедры перевода и переводоведения ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет»;

доктор филологических наук (10.01.01.), доцент **Меркель Елена Владимировна**, профессор кафедры филологии Технического института (филиала) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Ведущая организация: ОЧУ ВО «Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова» (кафедра истории журналистики и литературы).

Защита состоится 18 ноября 2016 года в 15-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.23 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 730.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru/> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан « » _____ 2016 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Базанова А.Е.

Общая характеристика работы

Постановка проблемы. Эпоха Серебряного века, противоречивая и многогранная, предполагала особое отношение к проблеме поэтического перевода. Писатели, поэты и драматурги былых эпох рассматривались литераторами Серебряного века как «вечные спутники» поэтов современных, а порой и как литературные «двойники», затерянные в пространстве и времени, удивительно близкие по духу и в то же время - бесконечно далекие. С этими «братьями по духу» поэты Серебряного века вступали в диалог, то есть не только переводили, но и преобразовывали оригинальные тексты в духе эстетики и поэтики Серебряного века. Так, К.Д. Бальмонт видел самого себя в творчестве Перси Биши Шелли и Эдгара По, В.Я. Брюсов – в поэзии Дж.Г. Байрона и У. Шекспира, Н.С. Гумилев – в поэтах Озерной школы, С.Т. Кольридже, Р. Саути и У. Вордсворте. Выбор произведений для перевода объяснялся спецификой того литературного направления, той школы, к которой принадлежали поэты Серебряного века, то есть спецификой символизма, акмеизма или других школ и направлений.

Особенности отражения эстетики, поэтики и религиозно-философских особенностей русского символизма в переводах англоязычной поэзии, осуществленных поэтами-символистами, мы рассматриваем на примере переводов В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта. Соответственно, переводы англоязычной поэзии, выполненные Н.С. Гумилевым и близкими к нему поэтами (Н. Оцупом, И. Одоевцевой, Г. Ивановым, Вс. Рождественским и др.), анализируются нами в контексте эстетики и поэтики акмеизма, специфики акмеизма как культурной парадигмы.

Для акмеизма как культурной парадигмы было характерно повышенное внимание к форме поэтического текста. Поэтому в статье «О стихотворных переводах» Гумилев предлагал переводчику стать внимательным исследователем чужого текста и проникновенным критиком и, забыв свою личность, думать только о личности автора. Однако и Н. Гумилев выбирал для перевода близкие ему по духу произведения и включал их в контекст собственного творчества, что показано нами на примере гумилевских переводов поэзии английской Озерной школы.

Н.С. Гумилев был не только переводчиком, но и исследователем поэзии Озерной школы. Его перу принадлежат статьи, посвященные Р. Саути и С.-Т. Кольриджу, он вместе с Н.А. Энгельгардтом готовил к печати первое полное собрание сочинений У. Вордсворта на русском языке. Гумилев был крайне внимателен к формальным особенностям переводимых им стихотворений.

В.Я. Брюсов, учитель Н.С. Гумилева, был также очень внимателен к вопросам формы переводимых стихотворений, но при этом не чужд духу мистификации. Так, например, Брюсов мог выдавать за переводы собственные тексты, как произошло, например, с первым изданием романа «Огненный ангел». Брюсов часто вводил в переводимый текст собственные идеи, элементы символистской эстетики, как мы это показываем на примере брюсовских переводов поэзии Дж. Г. Байрона и У. Шекспира.

К.Д. Бальмонт видел в Перси Биши Шелли, как и в Эдгаре По своих «вечных спутников» (в терминологии Д.С. Мережковского), и поэтому его переводы наиболее субъективны. Нами рассмотрены также элементы мифологизации жизни и творчества Дж. Г. Байрона, П.Б. Шелли, У. Шекспира, Э. По, а также С.Т. Кольриджа, У. Вордсворта и Р. Саути, характерные для русской литературы Серебряного века. В частности, байроновский миф в русской литературе Серебряного века сближался с лермонтовским, что было доказано нами на примере брюсовских переводов поэзии Дж. Г. Байрона.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена необходимостью детального анализа образно-символических особенностей переводов англоязычной поэзии, выполненных поэтами Серебряного века. Эти образно-символические особенности обусловлены личностью переводчиков, их принадлежностью к тому или иному литературному направлению или школе, в частности – к символизму или акмеизму, а также тем литературным и культурным «запасом», который они вкладывали в переводимые тексты, преобразуя их.

В диссертационном исследовании рассмотрены переводы английской и американской поэзии, выполненные В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом, Н.С. Гумилевым, в контексте эстетики и поэтики символизма и акмеизма. Подчеркивается, что эстетика и поэтика того направления, к которому принадлежали поэты-переводчики, существенно повлияла, во-первых, на выбор текстов для перевода, а, во-вторых, на трансформацию переводимого текста.

Объектом исследования данной диссертационной работы являются переводы англоязычной поэзии, выполненные В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом, Н.С. Гумилевым и близкими к Н.С. Гумилеву поэтами (Г. Ивановым, Н. Оцупом, Вс. Рождественским). Речь идет о переводах произведений Дж. Г. Байрона и У. Шекспира (поэт-переводчик – В.Я. Брюсов), П.Б. Шелли и Э. По (переводчик – К.Д. Бальмонт), поэтов Озерной школы (переводчик – Н.С. Гумилев, Г. Иванов, Н. Оцуп и др.).

Предметом исследования являются образно-символические особенности переводов англоязычной поэзии, выполненных поэтами Серебряного века (В.Я.

Брюсовым, К.Д. Бальмонтом, Н.С. Гумилевым), связанные с эстетикой, поэтикой и религиозно-философскими особенностями символизма и акмеизма.

Цель работы заключается в определении наиболее значимых образно-символических особенностей переводов англоязычной поэзии, выполненных поэтами Серебряного века, в контексте эстетики, поэтики и религиозно-философских концепций символизма и акмеизма.

Реализация обозначенной выше цели указывает на необходимость решения следующих **исследовательских задач**:

1. Рассмотреть специфику понятия «поэтический перевод» в контексте эстетики, поэтики и религиозно-философских особенностей символизма и акмеизма;
2. Проанализировать переводы поэзии Дж. Г. Байрона и У. Шекспира, выполненные В.Я. Брюсовым, в контексте символистского мировидения;
3. Охарактеризовать сущность поэтического «соствязания» В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта как переводчиков баллады «Ворон» Э. По;
4. Определить образно-символические особенности переводов поэзии П.Б. Шелли и Э. По, выполненных К.Д. Бальмонтом, в контексте символистского мировидения, бальмонтовского «шеллианства» и формирования мифа об Эдгаре По в русской литературе Серебряного века;
5. Проанализировать выполненные Н.С. Гумилевым и близкими к нему литераторами переводы английских поэтов Озерной школы (С.Т. Кольриджа, У. Вордсворта и Р. Саути) в контексте эстетики и поэтики акмеизма;
6. Изучить особенности переводов сонетов У. Шекспира, выполненных В.Я. Брюсовым, в контексте символистского мировидения;
7. Проанализировать выполненные В.Я. Брюсовым, Н.С. Гумилевым и близкими к Н.С. Гумилеву поэтами переводы английских народных баллад о короле Артуре и рыцарях Круглого стола в контексте мифа о Граале;
8. Изучить взаимосвязь выполненных или отредактированных Н.С. Гумилевым английских народных баллад о короле Артуре и рыцарях Круглого стола с драматической поэмой «Гондла» и акмеистским видением образно-символических особенностей жанра баллады.

Теоретическим основанием исследования послужили труды отечественных и зарубежных специалистов, связанные с теорией и практикой литературного перевода. В частности, речь идет о трудах Т.В. Венцлова, М.Л. Гаспарова, Е.Г. Эткинда, С.Ф. Гончаренко, Р.Р. Чайковского, Р.К. Миньяр-Белоручева, Ф.И. Петровского, С. Мальковой, И.В. Соколова, С.И. Гиндина и др.

В частности, нами была использована классификация Р.Р. Чайковского, согласно которой существуют: адекватный (научный) перевод, вольный перевод, стихотворение на мотив, перевод-подражание, перевод-реминисценция, авторский перевод (создание двух произведений на разных языках с повторяющейся идейной и образной составляющей). Для старших символистов были в большей степени характерны вольные переводы, стихотворения на мотив, переводы-реминисценции, тогда как акмеисты тяготели к адекватному (научному) переводу и переводу-подражанию. Однако, как и символисты, акмеисты включали переводимые тексты в контекст собственного творчества.

В исследовании применяются подходы, относящиеся к **герменевтической традиции** в ее зарубежном и отечественном вариантах и ориентированные на искусство интерпретации и понимания художественного текста. **Вспомогательными методами** исследования являются компаративный, историко-типологический, интертекстуальный, мотивный, мифопоэтический. Использование данных методов и подходов определяется спецификой материала, целью и задачами диссертации.

Методологическую основу диссертации составляют:

– труды по теории и истории литературы (В.М. Жирмунский, А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров и др.);

- труды по теории и истории литературного перевода (Т.В. Венцлова, М.Л. Гаспаров, Е.Г. Эткинд, С.Ф. Гончаренко, Р.Р. Чайковский, Р.К. Миньяр-Белоручев, Ф.И. Петровский, С. Малькова, И.В. Соколов, С.И. Гиндин и др).

– работы специалистов в области брюсоведения, гумилевоведения и бальмонтведения (К. В. Мочульский, Н. А. Оцуп, М.Л. Гаспаров, З.Г. Минц, А. И. Павловский, Ю. В. Зобнин, Л.Г. Кихней, М. В. Смелова, Н. А. Богомол, О. А. Клиг, М. Баскер, Р. Эшельман, В. С. Баевский, В. В. Иванов, О.К. Страшкова, И. Соколов, С.И. Гиндин, О.А. Жиронкина, Д.И. Никольская, Э.Ю. Забаева, О. А. Бердникова, Т.С. Круглова, В.А. Мескин, О.Р. Темиршина, Е.Ю. Раскина, С.М. Пинаев, Д.С. Грачева и др.).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что, во-первых, настоящее исследование является одним из ряда современных работ, направленных на построение нового понимания поэтического перевода в

литературе Серебряного века; во-вторых, совершенствуются принципы анализа произведений В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, Н.С. Гумилева и близких к нему поэтов (Н. Оцуа, Вс. Рождественского, Г. Иванова, И. Одоевцевой и др.).

Практическая ценность исследования определяется тем, что его результаты могут найти применение в дальнейшем изучении художественной системы русских поэтов Серебряного века, а также в изучении особенностей литературного перевода; могут быть использованы в вузовском курсе истории русской литературы, теории литературы, теории и практики литературного перевода в качестве материала лекций и спецсеминаров, при разработке учебных пособий по литературе первой половины XX века, а также в школьном курсе русской литературы.

В соответствии с обозначенной целью и задачами на защиту выносятся следующие **положения**:

1. Для символистов В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта было характерно максимальное включение переводимых текстов в контекст собственного творчества. Такой подход к переводимым текстам предполагал частое обращение к вольным переводам, стихотворениям на мотив, переводам-реминисценциям (согласно классификации Р.Р. Чайковского);

2. Акмеисты (и, в частности, Н.С. Гумилев) тяготели к адекватному (научному) переводу (по классификации Р.Р. Чайковского). Однако и они искали в творчестве англоязычных поэтов (в частности, поэтов Озерной школы) близкие акмеизму идеи;

3. Выбор поэтических текстов для перевода был связан с формированием в русской литературе Серебряного века мифа о переводимом поэте (байроновский миф, миф об Эдгаре По, уайльдовский миф и т.д.). Например, в творчестве В.Я. Брюсова байроновский миф сближался с лермонтовским, а К.Д. Бальмонт формировал собственную авторскую мифологию, включая в нее элементы шеллианского мифа;

4. Символисты и акмеисты по-разному оценивали творчество У. Шекспира: видели в нем «предтечу» символизма или акмеизма, «дионисийского» певца «смуглой леди» или гармоничного, «аполлонического» автора;

5. Обращение к английским народным балладам о короле Артуре и рыцарях Круглого стола и выбор этих баллад для перевода – черта, свойственная и символистам, и акмеистам, и связанная с общим интересом к мифу о Граале. Однако в творчестве Н.С. Гумилева, Вс. Рождественского и Н. Оцуа переводы этих баллад занимают особое место и включены в контекст собственного творчества поэтов. В частности, баллада о смертельной ране

короля Артура и его отплытия на остров Авалон существенно повлияла на сюжетику и образность драматической поэмы Н.С. Гумилева «Гондла».

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые достаточно полно исследовано влияние символистского и акмеистского мировидения на переводимые поэтами-символистами и акмеистами англоязычные произведения художественной литературы и фольклора. В частности, в диссертационном исследовании подробно изучена специфика включения переводимых англоязычных текстов в контекст собственного творчества, характерная, в большей или меньшей мере, для В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта и Н.С. Гумилева.

Впервые детально рассмотрено влияние английских поэтов Озерной школы и английских народных баллад на поэтику и эстетику акмеизма, изучены образно-символические особенности байроновского мифа в творчестве В.Я. Брюсова, шеллианского мифа в творчестве К.Д. Бальмонта, проанализированы особенности перевода и рецепции сонетов У. Шекспира В.Я. Брюсовым.

Апробация работы. Основные теоретические положения и практические выводы были изложены в выступлениях на международных и всероссийских конференциях, а именно: на «Грибоедовских чтениях-2015» (Москва, апрель 2015 г.) и «Грибоедовских чтениях-2016» (Москва, апрель 2016 г.), на Международной научно-практической конференции «Перспективы развития современных гуманитарных наук» (8 декабря 2015 г.) в г. Воронеже, а также на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках» в г. Самаре (апрель 2016 г.), на заседаниях кафедр иностранных языков и общегуманитарных, социальных, естественнонаучных и экономических дисциплин Международного гуманитарно-лингвистического института (МГЛИ, Москва).

Цели и задачи исследования определили структуру работы. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, который содержит художественные и фольклорные источники и перечень использованной научной литературы.

Содержание работы

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна темы, обусловившие ее выбор, анализируются состояние и степень изученности темы, определяются цели, основные задачи и теоретическая база диссертации, обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава диссертационного исследования «Отражение символистской эстетики и поэтики в переводах англоязычной поэзии, выполненных В.Я. Брюсовым» посвящена образно-символическим

особенностям брюсовских переводов стихотворений Дж.Г. Байрона, сонетов У. Шекспира и баллад Э. По. В первой главе рассматриваются также принципы и правила, которыми руководствовался В.Я. Брюсов в своей переводческой деятельности.

В параграфе 1.1. «В.Я. Брюсов о принципах и правилах переводческой деятельности» рассматривается брюсовская концепция поэтического перевода. В частности, указывается, что в статье «Фиалки в тигеле» Брюсов рассуждал о сущности поэтического перевода и степени его адекватности и точности. Главную задачу переводчика поэт обозначил так: «Разложить фиалку в тигеле на основные элементы и потом из этих элементов создать вновь фиалку» (Брюсов В.Я. Фиалки в тигеле // Весы, 1905. №7. С. 15). К сказанному выше Брюсов добавил: «Передать создание поэта с одного языка на другой - невозможно; но невозможно и отказаться от этой мечты» (Там же). Следовательно, задача переводчика – не точная (насколько это возможно) передача создания поэта с одного языка на другой, а воспроизведение основных образов и символов переводимого текста, отражение настроения, художественных впечатлений, владевших автором оригинального текста в момент его создания.

Поэтический перевод понимался Брюсовым как один из способов путешествия по временам и эпохам. Еще одной возможностью литературного, «кабинетного», путешествия по временам и эпохам для Брюсова была литературная стилизация. Брюсовское стремление «жить в разных временах» особенно характерно для символистского периода его творчества. В своих поэтических и прозаических текстах начала 1900-х гг. Брюсов реконструировал то эпоху Горация и Вергилия, то древний Карфаген, то католическую Германию, в которую уже проник дух протестантизма, или же парадоксальным образом сталкивал современность и древность, как в рассказе «Элули, сын Элули».

В своих литературных путешествиях по странам и эпохам Брюсов, как правило, предпочитал Древний Рим, куда его уводило собственное имя – Валерий. Поэт считал своим небесным покровителем римского сотника Валерия, одного из сорока мучеников, пострадавших в Севастийском озере. Римскому мученику Брюсов посвятил стихотворение «Девятое марта» (9 марта 1913). В то же время Брюсова притягивал образ Валерия Катона, критика и учителя поэзии, ставшего наставником Вергилия (рассказ «Жизнь Вергилия»).

Брюсов выбирал для изображения, для тонкой стилизации двойственные эпохи: Рим старых поэтов эпохи императора Августа (Горация и др.), в котором ужу набирали силу поэты молодые и дерзкие (Овидий) (рассказ «У Мецената»); католическую Германию, уже услышавшую неистовую проповедь Лютера

(роман «Огненный ангел»), гибнущую Троицу («Тело Гектора»). Поэты таких «двойственных» эпох были особенно близки эпохе модерн, противоречивой и бурной, «некалендарному» XX веку, уже почувствовавшему «подземный гул».

В параграфе 1.2. «В.Я. Брюсов – переводчик Дж. Г. Байрона: художественное выражение культурного и поэтического «родства»» указывается, что среди англоязычных поэтов Брюсову был особенно близок «неистовый» Байрон, шотландец по матери, отвергнутый уравновешенной, консервативной Англией. Уже в самом отборе поэтических текстов для перевода были отражены особенности брюсовского символистского мировидения, что было доказано нами на примере переводов произведений Дж.Г. Байрона и Э. По. В частности, В.Я. Брюсов перевел стихотворение Байрона «I would I were a careless child» («Хочу я быть ребенком вольным»). В этом переводе Брюсов заменил «пещеру в горах», присутствующую в оригинале стихотворения, на горы. Далее в переводе «горы» у него становятся «утёсом» – одиноким и свободным. Здесь мы усматриваем переключку с М.Ю. Лермонтовым. О духовной близости Лермонтова и Брюсова свидетельствует стихотворение Валерия Яковлевича «К портрету М.Ю. Лермонтова».

Для венгерского издания собрания сочинений Д.Г. Байрона В. Брюсов перевел семь стихотворений из раннего сборника "Часы досуга", а также три стихотворения из "Наполеоновского цикла". Брюсов выбирал для перевода те произведения, которые были созвучны его собственной эстетике и видению мира, а также эстетике и мировоззренческим особенностям русского символизма. В диссертационном исследовании мы продемонстрировали это на примере брюсовского перевода стихотворения Байрона «Лок-на-Гар».

Лок-на-Гар (Лакин-и-Гер) – это суровая, величественная, покрытая снегами гора в Северной Шотландии (неподалеку от г. Инверколда), где провел свою юность Д. Г. Байрон. В 1809 г. Байрон посвятил этой горе одноименное стихотворение, в котором восславил ее мрачную красоту и военные подвиги горных шотландских кланов. Неподалеку от Лох-на-Гара находилась родовая усадьба матери Байрона, Екатерины Гордон из клана Гордонов, вошедшего в «пограничные» баллады.

В оригинале стихотворения присутствуют скалы, на которых отдыхают снежинки. Брюсов превращает их в утесы, покрытые снегом: опять же, в соответствии с лермонтовской традицией в русской поэзии. Образ сурового утеса (утеса-великана) присутствует в одноименном стихотворении Лермонтова, написанном незадолго до смерти (1841 г.).

Брюсов, посредством введения лермонтовских образов в свои переводы стихотворений Байрона, сближает двух великих шотландцев: английского шотландца, лорда Байрона, непонятого британцами, и «русского шотландца»

Лермонтова, отвергнутого великосветской «чернью». Брюсов неоднократно затрагивал шотландскую тему в своем творчестве: ярким примером тому служит стихотворение «Мария Стюарт».

Образ-символ «вершины над бездной», где ревет «водопад одичалый» или шумит горный поток, характерен и для поэзии Дж. Г. Байрона, и для стихотворений и поэм М.Ю. Лермонтова, и, наконец, для В.Я. Брюсова. У Брюсова этот образ символизирует гордость и одиночество ушедшего от людей к горным высям поэта-пророка (стихотворения «Свиваются бледные тени», «Андрею Белому», «Видение крыльев» и т.д.).

Присутствующее в стихотворении Байрона «Лок-на-Гар» упоминание о «мирных парках», где среди роз обитают «поклонники моды» (в оригинале – «любимцы роскоши») отсылает нас к затянувшемуся спору Байрона с поэтами Озерной школы (У. Вордсвортом, С.Т. Кольриджем, Р. Саути), которые черпали вдохновение в мирной природе: розах, парках, тихих и прозрачных озерах.

Для Байрона бурный водопад неизмеримо прекраснее тихих озер и спокойного течения воды в фонтане: сопоставление водопада и фонтана мы находим в стихотворении «Лок-на-Гар» (Брюсов это сравнение упускает, но оно присутствует в оригинале стихотворения). Фонтан у Байрона – символ окультуренной английской природы, спокойных и «укротенных» красот равнинной Англии, тогда как водопад символизирует дикую и страстную, полную стихийных страстей горную Шотландию. Байрону ближе «неукротенная» красота, тогда как англосаксы – поэты Озерной школы – предпочитали окультуренную и дышащую покоем красоту долин Альбиона.

В. Брюсов перевел также "Элегию на Ньюстедское аббатство» и «Оду к Наполеону Бонапарту» Байрона. Исследователи (в частности, Л.И. Никольская) отмечают, что «Ода к Наполеону Бонапарту» близка по образности и стилистике к собственному стихотворению Брюсова «Наполеон». В этом стихотворении последним приютом императора становится несокрушимая твердыня – «со дна встающая скала» («Где на раздольи одичалом, / От века этих дней ждала / Тебя достойным пьедесталом / Со дна встающая скала» (Брюсов В.Я. Мучительный дар. М.: Комсомольская правда, Некс-Медиа, 2012. С. 200).

И скала, встающая со дна океана, и мрачный утес, покрытый снегом, и «мутные выси», на которых «чернеют ризы», - это сходные образы-символы, знаменующие собой восхождение к высотам духа и, в то же время, непонятость и одиночество (порой – гордыню). В брюсовском переводе «Оды к Наполеону Бонапарту» Дж. Г. Байрона присутствуют сходные образы («Сокрыв на Эльбу стыд и горе, / Следи с утесов волн стада. / Ты не смутишь улыбкой море: / Ты

не владел им никогда!»; «О, если б ты, как сын Япета, / Бесстрашно встретил вихри гроз, / С ним разделив на крае света / Знакомый коршуну утес!» (Байрон Дж. Г. Прометей. М.: Комсольская правда, Амфора, 2012. С. 144). Сын Япета – это Прометей (сын титана Иапета (Япета) и океаниды Климены), прикованный волей верховного бога-олимпийца к скале (утесу). Скала (утес) для Байрона (и для его переводчика – Брюсова) становится символом наказания и муки.

Брюсов соединил прометеевский миф и миф наполеоновский. Для него, как и для Байрона, Наполеон – свергнутый титан, а остров святой Елены подобен скале, к которой был прикован Прометей. Можно сказать, что в русской литературе Серебряного века и прежде всего в поэзии русских символистов сформировался миф о Байроне как о непонятом и отвергнутом современниками гении-титане.

В параграфе 1.3. «Перевод LX сонета В. Шекспира, выполненный В.Я. Брюсовым, в контексте символистского мировидения» указывается, что в данном переводе Брюсов усилил шекспировскую антитезу «волны – каменистый берег», заменив ее на антитезу «волны – камень». Перед нами возникает таким образом противостояние времени (волны) и неизменности, вечности (камень) или, с другой стороны, - хаоса (волны) и упорядоченности, космоса (камень). Образ-символ волн (моря) связан в символистской эстетике со стихотворением Ш. Бодлера «Человек и море», где море понимается как символ свободы, перевозданной дикости, мира мгновенных, как волны сменяющих друг друга, эмоций.

В брюсовском переводе шекспировского сонета изображено не только столкновение времени и вечности (неизменности), но и битва первобытного, дикого хаоса (волн) с космосом (камнем). Брюсов превращает шекспировский конфликт времени и вечности в любимую символистскую антитезу космоса и хаоса, предельного и запредельного, аполлонического (камень) и дионисийского (волна).

Символистскому герою хочется уйти из вещного, сотворенного Богом мира, к вечности, от творения – к Творцу. Поэтому волны (отражение перевозданного океана) лишь бьются о берег, не сливаясь с ним. «Большие, бурые каменья» из гумилевского стихотворения «Больной» сродни «каменьям» из анализируемого нами брюсовского перевода сонета Шекспира, только трактовка образа у Брюсова и Гумилева – различная. Лирическому герою стихотворения Н.С. Гумилева «Больной» тяжело и горько в океане перевозданной мглы, он взыскует рая, на земле или на небе, тогда как символисты, вслед за Тютчевым, тяготели к «родимому хаосу».

В параграфе 1.4. «Перевод LV, LIX и LXI сонетов В. Шекспира, выполненный В.Я. Брюсовым, в контексте «дионисийского» начала в

искусстве» рассматривается отражение дионисийской концепции искусства, характерной для Серебряного века, в этом поэтическом переводе Брюсова. В частности, указывается, что Брюсов заменил словосочетание «the gilded monuments» («золото монументов») на «злато саркофагов». По своему символическому значению саркофаг сходен с могилой и означает замкнутое пространство, ограничивающее женское начало, а также смерть и смертность (Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: Рефл-Бук, 1994. С. 328).

Эта замена связана с особым отношением Брюсова к теме Египта. Брюсов обращается к этой теме после 1895 г. в период работы над сборниками «Chefsd'oeuvre» и «Meeumesse» (1896-1898). В стихотворении «Ассаргадон» каменным саркофагом, не названным, но подразумеваемым, названа речь владыки. Брюсов словно оттачивает средствами поэтического перевода одну и ту же мысль: «Война низвергнет статуи, и зданий / Твердыни рухнут меж народных смут, / Но об тебе живых воспоминаний / Ни Марса меч, ни пламя не сотрут» (Шекспир У. Антология современных переводов. Спб.: Азбука-классика, 2004. С. 113). Это «Ты» у Брюсова и вечная красота, и память (прапамять) человечества.

В сонетах Шекспира увидел тайное, мистическое начало, равносильное «дионисийскому» началу в искусстве – экспрессивному, чувственному, гиперэмоциональному, «ночному». По мнению Брюсова, существует искусство мертвое и живое. Живое искусство касается тайны, склоняется к безднам; оно исполнено философии, мистики, религии, любви. Образчиком такого искусства являются, как считал В.Я. Брюсов, LV, LIX и LXI сонеты Шекспира.

В параграфе 1.5. «Образно-символические особенности брюсовских переводов баллад Эдгара По» рассматривается, в частности, «Свадебная баллада» Э. По в переводе Брюсова. В этой балладе Эдгара По описывается любовь живой к мертвецу – возлюбленному дней былых, погибшему в сражении. Эдгар По в оригинале баллады использует рефрен «*happynow*» («счастлива теперь»), у Брюсова же рефреном становятся слова «вечер синий». Причем в начале баллады это ладан синий, а только затем - вечер синий.

«Синий вечер» - это наполненный высшим, божественным смыслом временной отрезок. Символика «синего вечера» становится смыслообразующей для брюсовской интерпретации баллады Эдгара По. Вечер занимает особое место в эстетике русского символизма. И Брюсов, и Бальмонт наделяли вечер сакральным смыслом. С Брюсовым связаны названия поэтических сборников А. Ахматовой «Вечер» и М. Цветаевой «Вечерний альбом».

В «синий вечер» все возможно – мертвые общаются с живыми, стирается сама грань между жизнью и смертью, бытием и небытием. Девушка, стоящая

перед венцом с другим, мысленно общается со своим погибшим женихом, и в эту минуту она ближе мертвому, чем живому. Брюсов делает сюжет «Свадебной баллады» Эдгара По магическим, волшебным.

Следующее обращение Брюсова к жанру баллады приходится на начало 1910-х гг. Книга «Сны человечества» включает в себя четыре баллады. Это «Баллада о женщинах былых времен» (перевод стихотворения Ф. Вийона «Ballade des dames du temps jadis») в разделе «Франция XV–XVI веков»; «Смерть рыцаря Ланцелота» в разделе «Англия»; «Похищение Берты» и «Прорицание» в разделе «Романтические баллады». Задача сборника, как определяет ее сам Брюсов – воссоздание культурной истории человечества. Причем задача эта решалась как с помощью перевода, так и путем фантазии на тему переводимого стихотворения.

Во второй главе диссертации **«Рецепция символистского мировидения в переводах поэзии П.Б. Шелли и Э.По, выполненных К.Д. Бальмонтом»** рассматривается шеллианский миф в творчестве Бальмонта, а также образно-символические особенности бальмонтских переводов баллад Эдгара По.

В параграфе 2.1. «К.Д. Бальмонт и П.Б. Шелли: поэтический диалог «через века»» указывается, что К.Д. Бальмонт видел в английском поэте-романтике П.Б. Шелли своего «светлого гения» и «духовного брата» и потому достаточно свободно отнесся к выбранным для перевода произведениям Шелли. В стихотворении «К Шелли» Бальмонт перечисляет те черты, которые сближали его с английским поэтом: любовь к «полнозвучным» морским равнинам, восторг перед вечной Красотой, «душа андрогины».

В параграфе 2.2. «Спор К.Д. Бальмонта с В.Я. Брюсовым об особенностях поэтического перевода» указывается, что К.Д. Бальмонт ставил акцент на образности и мелодике (музыкальности) переводимых текстов. Форма для Бальмонта имела второстепенное значение. Формалист-Брюсов часто жертвовал некоторыми идеями или образами для воссоздания формы переводимого текста.

Для «полнозвучного», музыкального Бальмонта была, конечно, важнее мелодика поэтического текста, чем его формальная организация. Поэтому переводы Бальмонта удивительно мелодичны, музыкальны, образны, но едва ли – точны. Бальмонт относился к переводам еще более лично, чем Брюсов: Константин Дмитриевич искал своих «двойников» в различных временах и культурах. Подобное отношение к выбору текстов для перевода было связано с увлеченностью поэта буддистской концепцией перевоплощения, отраженной в его стихотворении «Перевоплощение».

В параграфе 2.3. «Элегия П.Б. Шелли «Адонаис» в прочтении К.Д. Бальмонта» рассмотрен один из наиболее символистских бальмонтских

переводов поэзии Шелли. Указывается, что бальмонтовский перевод элегии Шелли «Адонис» («Адонаис»), посвященной рано умершему поэту-романтику Дж. Китсу, можно назвать достаточно интерпретацией оригинального текста в духе христианского мировидения и символистской концепции Вечной Женственности. Бальмонт проводит параллель: Афродита Урания, скорбящая о ранней смерти прекрасного Адониса – Дева Мария, оплакивающая Христа. В оригинале Шелли христианские мотивы не так очевидны.

Шелли призывает «музыкальнейшую из плакальщиц» пролить слезы над могилой поэта (над могилой «самого юного и самого любимого ее сына», Адонаиса-Адониса-Китса). В оригинальном тексте лирический герой напоминает Афродите Урании о том, что она уже оплакала когда-то трех «сыновей света» - Гомера, Данте и Мильтона. В переводе К. Бальмонта налицо связь оплакивающей сына матери именно с Девой Марией, оплакивающей Христа.

В параграфе 2.4. «Переводы баллады «Ворон» Эдгара По: поэтическое состязание К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова» подчеркивается, что еще одним ключевым для русского символизма англоязычным поэтом был Эдгар По. Перевод баллады «Ворон» стал для В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта своеобразным поэтическим состязанием. В брюсовском переводе появляется мотив духовного поединка зловещего, inferнального ворона с лирическим героем баллады, тогда как в бальмонтовском переводе лирический герой заранее и безоговорочно признает свое поражение. Наконец, Брюсов усиливает inferнальность ворона, олицетворяющего силы мрака, тогда как для Бальмонта ворон – это не только демоническая, но и вещая птица, наделенная даром предвидения.

В третьей главе диссертационного исследования **«Проявление акмеистского мировидения в переводах английской поэзии, выполненных Н.С. Гумилевым и участниками «Третьего Цеха поэтов»** указывается, что Н.С. Гумилев и близкие к нему поэты (Г. Иванов, И. Одоевцева, Н. Оцуп) не только активно переводили поэтов Озерной школы (В. Вордсворта, С.-Т. Кольриджа, Р. Саути), но и пропагандировали их творчество в России.

В частности, в **параграфе 3.1. «Н.С. Гумилев – переводчик и популяризатор Озерной школы английской поэзии»** указывается, что литературно-критические размышления лейкистов были близки эстетике акмеизма. Последнее было показано нами на примере литературно-критических текстов У. Вордсворта и манифеста Н.С. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм». Более того, Н.С. Гумилев видел в «озерниках» умиротворенных, гармоничных, «аполлонических» поэтов, противоположных неистовому, «дионисийскому» Байрону.

Образ озера – «зеркала духа», подобного пушкинскому «магическому кристаллу» - очень важен для поэзии Н.С. Гумилева. С точки зрения «отца акмеизма» поэт должен уподобить свой дух спокойной озерной глади. В своей статье, посвященной Р. Саути, Гумилев пишет о «подлинном озере», которое лейкисты искали в глубине своего духа. Именно это «подлинное озеро» - основа гармоничного творчества.

Близкие Н.С. Гумилеву поэты не только переводили поэтов Озерной школы, но и создавали оригинальные произведения, отталкиваясь от текстов лейкистов. Последнее было доказано нами на примере перевода «Кристебели» Кольриджа, осуществленного Г. Ивановым, и «Поэмы Луны» («Луны») И. Одоевцевой.

В параграфе 3.2. «Переводы баллад о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, отредактированные Н.С. Гумилевым» рассматриваются переводы английских народных баллад о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, выполненные учениками Гумилева или близкими к «отцу акмеизма» поэтами (Вс. Рождественским, Н. Оцупом и т.д.). В частности, нами указывается на связь этих баллад со «Смертью короля Артура» сэра Томаса Мэлори. Кроме того, английские народные баллады о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, переведенные Вс. Рождественским и отредактированные Н.С. Гумилевым, очень важны для разработки темы рыцарства (в том числе и «рыцарства духа») в произведениях Н.С. Гумилева.

Нами были рассмотрены выполненные Вс. Рождественским и отредактированные Н. Гумилевым для издательства «Всемирная литература» английские народные баллады о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Эти баллады текстуально связаны со «Смертью короля Артура» сэра Томаса Мэлори, что было показано нами посредством сравнения оригинальных английских текстов. Переводы этих баллад, выполненные Вс. Рождественским и отредактированные Н.С. Гумилевым, обнаруживают ряд интертекстуальных пересечений с драматической поэмой Гумилева «Гондла», содержат общие темы и мотивы, например, мотив отплытия на волшебный остров в таинственной ладье.

Причем, если в английской народной балладе о смерти короля Артура в ладье на остров Авалон уплывает умирающий король, то в драматической поэме «Гондла» тело бросившегося на меч Гондлу просит положить в ладью Лера. Умирающего Артура на остров Авалон увозят прекрасные дамы, сидевшие в ладье, тогда как с телом Гондлы уплывает к «неземной лебединой отчизне» Лера-Лаик. В обоих случаях перед нами мотив плавания (отплытия) в потусторонний мир.

Интерес Н. Гумилева к легендам о короле Артуре и рыцарях Круглого стола был отражением увлеченности поэта темой Грааля – сосуда с Кровью Христовой, который искали рыцари (и, прежде всего, - Ланселот Озерный). В ранней поэзии Н. Гумилева есть стихотворение, посвященное Чаше Грааль. И Гумилева, и В. Брюсова, как и многих других поэтов Серебряного века, увлекали средневековые рыцарские романы, связанные с сюжетом о чаше Грааль. Под влиянием сюжетики и образности рыцарских романов Кретьена де Труа и Робера де Борона Гумилёв создал стихотворение, посвященное чаше Грааль («Я откинул докучную маску»).

Гумилев отредактировал еще две баллады о короле Артуре, переведенные Всеволодом Рождественским. Это «Король Артур» и «Сэр Ланселот дю Лэк». Первая баллада – это рассказ о царствовании и подвигах Артура из уст самого короля. Вторая – изложение одного из многочисленных подвигов сэра Ланселота Озерного. В первой балладе подчеркивается христианская вера короля, его глубокая набожность. Рыцари Круглого Стола названы братством: речь идет о подобии духовно-рыцарского ордена. Образы и мотивы, связанные с рыцарскими орденами духовного порядка, такими как, например, родосские рыцари-иоанниты, часто встречаются в поэзии самого Гумилева (например, в стихотворении «Родос»).

Баллады о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, переведенные Вс. Рождественским и отредактированные Н. Гумилевым, - это не точные переводы, которые мог бы осуществить филолог-ученый, а поэтические фантазии на заданную тему. Перед нами уникальный сплав английских народных баллад, вариаций на тему «Смерти короля Артура» сэра Томаса Мэлори и собственных произведений переводчиков.

Н.С. Гумилев и его ученики не просто выбирали тексты для переводов, а развивали с помощью переводимых произведений некие идеи или образы-символы. Так, в переводах баллад о короле Артуре и рыцарях Круглого стола присутствуют мотивы плавания к волшебному острову, посмертного путешествия к таинственной стране, а также образ-символ благодатного озера и олицетворяющей его прекрасной девы (Владычицы Озера). Вс. Рождественский, Г. Иванов, И. Одоевцева и Н. Оцуп находились в данном случае в круге идей Гумилева, часто развивали те образы и сюжеты, к которым их подводил учитель.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных

ВАК РФ:

1. Раскина Е.Ю., Устиновская А.А. Н.С. Гумилев – переводчик и популяризатор Озерной школы английской поэзии // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2015, №4. С. 31-39.
2. Раскина Е.Ю., Устиновская А.А. Влияние произведений Данте Алигьери и Данте Габриэля Россетти и на творчество Н.С. Гумилева // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. №4, 2015. С. 179-184.
3. Устиновская А.А. Образно-символические особенности перевода LX сонета У. Шекспира, выполненного В.Я. Брюсовым // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. № 3, 2016. С. 160-163.

Публикации в других научных изданиях:

4. Устиновская А.А. «Фиалки в тигеле», или спор К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова о сущности поэтического перевода // Новая наука: от идеи к результату. Стерлитамак: РИЦ Ами, ООО «Ами», 2015. С. 75-81.
5. Устиновская А.А. Переводы баллады «Ворон» Эдгара По: Поэтическое состязание К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова // Перспективы развития современных гуманитарных наук. Выпуск II. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (8 декабря 2015 г.). Воронеж: Инновационный центр развития и науки, 2015. С. 16-21.
6. Раскина Е.Ю. Устиновская А.А. Переключка трех голосов: Данте Алигьери, Данте Габриэль Россетти и Н.С.Гумилев // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія: Філологічні науки. - 2015. - № 2 (10). С. 46-52.
7. Устиновская А.А. Поэтический «турнир» К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова: к вопросу о переводах баллады «Ворон» Эдгара По // Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции №3. г. Самара, 2016. С. 33-38.

Устиновская Алена Александровна (Россия)
«Переводы англоязычной поэзии, выполненные В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом и Н.С. Гумилевым, в контексте символистского и акмеистского мировидения»

Диссертационное исследование посвящено подробному изучению образно-символических особенностей переводов англоязычной поэзии, выполненных В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом и Н.С. Гумилевым. Проведен образно-символический и мифопоэтический анализ брюсовских переводов поэзии Дж.Г. Байрона, У. Шекспира и Э. По, бальмонтовских переводов поэзии П.Б. Шелли и Э. По, гумилевских переводов поэтов Озерной школы, а также отредактированных Гумилевым переводов английских народных баллад о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Этот анализ осуществлен в контексте символистского и акмеистского мировидения. В результате была установлена связь переводов англоязычной поэзии, выполненных В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом и Н.С. Гумилевым с эстетикой, религиозно-философскими особенностями и поэтикой символизма и акмеизма.

Ustinovskaya Alena Aleksandrovna (Russia)

“Translations of poetic works from English into Russian done by V.Y.Brusov, K.D.Balmont and N.S.Gumilev in the context of symbolist and acmeists world view».

The thesis represents a thorough research into peculiarities of images and symbols applied to translation of poetry from English into Russian done by V.Y.Brusov, K.D.Balmont and N.S.Gumilev. The analysis of images, symbols and poetic myths used in translations by V.Y.Brusov of poetic works of G.G.Byron, W.Shakespeare and E.A.Poe; in translations by K.D.Balmont of poetic works of P.B.Shelly and E.A.Poe; translations by N.S.Gumilev of poetic works of poets of Lake school and his edited translations of English folk ballads about King Arthur and Knights of the Round Table is carried out. The research is done holding tightly symbolist and acmeists view point in mind. As a result the connection between the translations of poetry from English into Russian done by V.Y.Brusov, K.D.Balmont and N.S.Gumilev and aesthetic, religious and philosophic peculiarities as well as poetics of symbolism and acmeism was set.